

А Н Н О Т А Ц И И

Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert Hrsg. von V. Vavřínek. Praha, 1978. 484 S.

Изданные В. Вавжинко «Очерки византийской истории IX—XI вв.» представляют собой сборник материалов конференции «Византия в апогее своего могущества», проведенной в Либлице в 1977 г. Институтом греческих, римских и латинских исследований Чехословацкой АН и редакцией журнала «Византинославика». Все статьи распределены по трем тематическим циклам: 1) общество, 2) культура и идеология, 3) Византия и славяне. Поскольку у конференции уже имеется подробная информация¹, нет необходимости в повторном изложении каждой работы. Рецензенту целесообразно дать теперь сводную характеристику исследовательских аспектов сборника, определить общую его направленность и позитивный вклад в разработку византиноведческих проблем.

Обсуждение затрагиваемых в статьях проблем предполагало дискуссию в ходе конференции. Естественным поэтому представляется выдвижение на первый план сложных, нередко еще недостаточно разработанных и спорных вопросов исторического развития Византии с преимущественным акцентом на период с IX по XI в. Так, Г. Г. Литаврин сконцентрировал внимание вокруг нерешенных проблем в истории византийского крестьянства², ставя вопросы: а) об определении критериев, отличающих частновладельческих крестьян (париков) от других категорий мелких земельных собственников, обязанных государству, б) о количественных показателях искисления повинностей у государственных и частновладельческих крестьян, в) о статусе так называемых государственных париков и г) о содержании дискуссии париков. Х. Кэпштейн (ГДР) в вопросе о стратиотах и стратиотском землевладении³ заостряет вопрос о соотношении воинской и хозяйственно-экономической

функций, совмещающихся в этой категории византийского общества. Споры вокруг содержания понятия *μισθωτός*. в Василиках решаются Э. Попеску (Румыния)⁴ таким образом, что в качестве технического термина оно обозначало в этом памятнике свободных колонов, где вытеснило в процессе грецизации латинской терминологии термин *колωνός*.

Из дискуссионных проблем идеологии и культуры следует отметить положительное решение Р. Досталовой (ЧССР) проблемы применимости высоких эстетических критериев к произведениям византийской словесности, которой долго отказывали (да и сейчас порой отказывают) в художественной значимости, содержательной ценности и самобытности⁵. Неоднозначна в историографии и оценка миссии Кирилла и Мефодия среди славян. Распространенному мнению о том, что эта миссия являлась логическим развитием традиционной византийской политической практики В. Вавжинек (ЧССР) противопоставляет обоснованный взгляд о скорее нетипичности, нехарактерности подобного акта византийских властей в отношении славян⁶. На процесс христианизации славян прежде всего оказали влияние внутренние условия исторического развития славянских государств, их потребности и социально-культурные запросы, ответом на которые и явилась деятельность тесно связанных со славянской средой просветителей.

В связи с дискуссионной проблемой о распространении христианства на Руси в IX в. А. Авенариус (ЧССР) отмечает необходимость более детального исследования самой миссионерской практики, ее приемов и вариантов применительно к той или иной конкретной иноязычной среде, обладавшей своими особыми усло-

¹ *Осинова К. А.* Симпозиум по византиноведению в Либлице (Чехословакия). — ВВ, 1979, 40, с. 236—240.

² *Litavrin G. G.* Zur Lage der byzantinischen Bauernschaft im 10.—11. Jh.: Strittige Fragen, S. 47—70.

³ *Köpstein H.* Stratioten und Stratiotengüter im Rahmen der Dorfgemeinde: Einige Bemerkungen, S. 81—98.

⁴ *Popescu E.* Quelques remarques sur le sens du terme «μισθωτός» dans les Basiliques, S. 99—116.

⁵ *Dostálová R.* Zur Entwicklung der Literaturästhetik in Byzanz von Gregorios von Nazianz zu Eustathios, S. 143—177.

⁶ *Vavřínek V.* The introduction of the Slavonic liturgy and the byzantine missionary policy, S. 255—284.

виями и историческими предпосылками ⁷. Исследователь считает исторически достоверной христианизацию Руси Фотием, видя в этом логическое продолжение византийской церковной политики в данном регионе. В истории болгаро-византийских отношений нерешенными остаются, как показала Г. Цанкова-Петкова (Болгария) ⁸, являются проблемы определения зоны распространения орды Аспаруха на севере от Дуная, идентификации этой территории с Оглом, локализации последнего. Предметом спора является и датировка византино-болгарского мира 680 г. и связанных с ним событий. Наконец, открытым остается вопрос о границах суверенитета болгарских правителей и Болгарского государства в этот период.

Но спорность многих из обсуждаемых в «Очерках» проблем объясняется не только недостаточной их научной разработанностью или дефицитом сведений источников. Как показали исследования рассматриваемой книги, сами анализируемые исторические феномены обладали двойственной противоречивой природой, понимание которой требует комплексного подхода в оценках изучаемых категорий, институтов, процессов. Так, З. В. Удальцова подчеркивает, что внутренняя диалектическая двойственность таких институтов, как прония, арифмос и др., состояла в том, что они отвечали интересам как государства, так и отдельных феодалов: являясь фактором децентрализации, поскольку они укрепляли феодальное поместье, эти институты, с другой стороны, были показателями силы центральной власти, контролировавшей количество земли и париков феодала ⁹. Возможность применения к Византийской империи на разных этапах ее исторического развития категорий «формационный регион» и «стадиальный регион» обсуждается В. Гроховой (ЧССР) ¹⁰. Она отмечает противоречивость развития государства, обусловленную различиями в социально-экономическом и этнокультурном отношениях.

Столь же сложным явлением, как показывает анализ К. А. Осиповой ¹¹, был такой путь формирования феодальной зависимости крестьян в Византии, как присельничество. На процесс распространения присельничества оказали влияние, с одной стороны, внутренняя структура византийской общины, с другой — поли-

тика централизованного государства. Двойственная и противоречивая роль византийского государства в процессе утверждения феодализма раскрывается на характеристике введения института арифмос: государственная политика в широких масштабах способствовала феодализации (практика массовых земельных пожалований феодалам, распространение феодальных институтов и привилегий — пронии, солемния, харистикиев, экскуссий, арифмоса), однако при этом вмешательство государства в частновладельческие отношения, ограничительные и контрольные меры тормозили развитие этих отношений. Глубокой социальной и экономической дифференциацией и возникающими при этом противоречиями отмечена, по Х. Кэшштейн, и система стратиготских владений.

Неоднозначны, как правило, и феномены византийской культуры. Агиографический образ Константина I, по наблюдениям Ф. Винкельмана (ГДР) ¹², не соответствует категории идеи государственной власти (Kaiseridee), характерным для проимпериальных актов, памятников официального происхождения. Различные трактовки образа Льва VI Мудрого в историографии и памятниках народной литературы (оракулы Льва) выявлены И. Ирмшером (ГДР) ¹³.

Решению спорных проблем способствует широкое применение сравнительно-исторического метода. Сопоставительный анализ, привлечение западноевропейских и восточных аналогий для характеристики элементов типологической общности и своеобразия Византии — характерная особенность «Очерков». З. В. Удальцовой выявлены основные черты феодализма в Византии на фоне общеевропейской и восточной картины феодального развития. Сосуществование в Византии во все периоды, но в разных соотношениях безусловной частной собственности на землю, государственной собственности и собственности мелких крестьян-общинников отличало ее от стран Западной Европы, где за редким исключением наблюдалось господство крупного частного землевладения вотчинного типа при слабом развитии государственной и общинной собственности. В Византии по сравнению с Западом наблюдаются большее значение государственной собственности, сильной сельской общины свободных крестьян и вместе с тем недостаточное развитие условной поземельной собственности, иерархической структуры феодальной собственности, отличия в характере иммунитетных прав феодалов, в социально-экономической роли городов. Типологические особенности феодализма в Византии определяли ее место в условиях взаимных влияний цивилизаций средневековья. В. Грохова в этой связи отмечает, что

⁷ *Авенариус А.* Христианство на Руси до 989 г., S. 301—315.

⁸ *Sankova-Petkova G.* Über die Bildung des bulgarischen Staates, S. 463—482.

⁹ *Удальцова З. В.* Некоторые особенности феодализма в Византии, S. 5—30.

¹⁰ *Hrochová V.* La place de Byzance dans la typologie du féodalisme européen, S. 31—45. Русский вариант статьи см.: *Грохова В.* Место Византии в типологии европейского феодализма. — ВВ, 1979, 40, с. 3—8.

¹¹ *Осипова К. А.* Особенности формирования феодальной зависимости византийского крестьянства, S. 71—80.

¹² *Winkelmann F.* Das hagiographische Bild Konstantins I. in mittelbyzantinischer Zeit, S. 179—203.

¹³ *Irmscher J.* Die Gestalt Leons VI. des Weisen in Volkssage und Historiographie, S. 205—224.

особенности византийского феодализма не означают его оформления в некую особую формацию, а представляют собой разновидность феодального формационного развития. Выводы Г. Г. Литаврина заставляют говорить скорее о близости черт феодализма в Византии западно-европейским формам, чем аграрным структурам азиатских деспотий. Л. Гавлик (ЧССР), напротив, склонен сближать исторический путь государств Юго-Восточной Европы, в частности славянских, с азиатским способом производства¹⁴.

В плане историко-культурных сопоставлений решены почти все работы третьего проблемного цикла — «Византия и славяне». Я. Н. Шапов проанализировал особенности применения памятников византийского права — свода Иоанна Схоластика и синтагмы XIV титулов в восточнославянской среде¹⁵. Исследователь доказал, что изменения славянских переводов по сравнению с византийскими прототипами объясняются не преднамеренным якобы искажением текста канонических сборников в политических целях Константинополя, а определялись местными условиями и задачами распространения церковно-правовых норм в славянской среде. К аналогичным выводам приводят и наблюдения З. Г. Самодуровой над византийскими и русскими энциклопедическими сборниками¹⁶. В то время как влияние византийских образцов достаточно сильно обнаруживается при анализе юридических и богословских сводов, условиями русского историко-культурного развития обусловлен выбор материала в историко-хронографических и литературно-грамматических сборниках.

Значение славянского социокультурного «контекста» определяет и особенности византийского стихосложения литургии (работа З. Хауптовой —

ЧССР¹⁷) и норм византийского права в Законе Судном людем и других юридических переработках (Б. Застерова — ЧССР¹⁸). Вместе с тем византийские историко-культурные формы определяют характер информации о народах Сербии и Хорватии (статья Г. Диттена — ГДР¹⁹), особенности текстов славянских памятников, сохранившихся в грекоязычных версиях (исследование И. Дуйчева — Болгария²⁰). Сопоставления с особенностями западноевропейской истории и культуры проводятся и в статьях И. Рохов (ГДР) об антиеретической полемике в Византии между 843 и 1025 гг.²¹, К. Троя (ГДР) о писцах датированных греческих рукописей IX—X вв.²², В. Конзала (ЧССР) о значении византийской литургии для славян²³.

Несмотря на то что тематика сборника хронологически ограничена тремя столетиями, в большинстве случаев авторы анализируют события с учетом глубокой исторической перспективы, вскрывая традиции развития тех или иных элементов византийского социального и культурного развития, указывая на причины происходящих с течением времени перемен в судьбах общества и культуры Византии и славян.

М. В. Бибииков

¹⁷ *Hauptová Z.* Der altkirchenslawische Vers und seine byzantinischen Vorbilder, S. 335—360.

¹⁸ *Zástěrová B.* Über zwei grossmährische Rechtsdenkmäler byzantinischen Ursprungs, S. 361—385.

¹⁹ *Ditter H.* Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jahrhundert, S. 441—462.

²⁰ *Duičev I.* Die Bedeutung der mittelalterlichen slawischen Literatur für die byzantinischen Studien, S. 317—334.

²¹ *Rochow I.* Zur Polemik byzantinischer Autoren gegen zeitgenössische Häresien in der Zeit zwischen 843 und 1025, S. 225—234.

²² *Treu K.* Die Schreiber der datierten byzantinischen Handschriften des 9. und 10. Jahrhunderts, S. 235—251.

²³ *Konzal V.* Die Entwicklung der byzantinischen Liturgie und die Slawen, S. 283—299.

¹⁴ *Havlík L.* The Genesis of feudalism and the Slav peoples, S. 117—140.

¹⁵ *Шапов Я. Н.* Номоканон Иоанна Схоластика и Синтагма 14 титулов у славян в IX—X вв., S. 387—411.

¹⁶ *Самодурова З. Г.* Византийские и древнерусские энциклопедические сборники X—XV вв., S. 413—440.

The Synodicon vetus/Text, Translation, and Notes by J. Duffy, J. Parker (Corpus Fontium Historiae Byzantinae, vol. XV. Dumbarton Oaks Texts, V). Washington, 1979. 228 p.

Сочинение, известное под наименованием Synodicon vetus, относительно редко используется в качестве исторического источника и нечасто упоминается в научной литературе. Даже в известном труде Х.-Г. Бека не очень точно характеристике этого памятника отведено всего три строчки¹. Причина такого небрежения заключается не только в явно комплиментарном характере произведения и ненадежности многих содержащихся в нем

сообщений, но и в отсутствии до сих пор его удовлетворительного издания. Editio princeps И. Папе, появившаяся в 1601 г., воспроизводила одну и весьма позднюю рукопись и в дальнейшем пятькратно перепечатывалась без всяких изменений (последний раз в 1809 г.).

Между тем это сочинение заслуживает внимания уже хотя бы потому, что оно является единственным в своем жанре, претендующим на полный учет всех — в том числе и местных — церковных соборов. Его автор старательно изучал исторические и другие произведения своих предшественников, попытался вы-

¹ *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 598.